

...И ВРЕМЯ СТАВИТ ОБЕЛИСКИ

Хабаровские письма Константина Симонова

Перелистываю книги писателя — книги-документы, в которых отражена, осмыслена сама жизнь. Симонов, начав свой путь в литературу стихами, писал и повести, романы, драмы. Но он всегда оставался публицистом. Суровая и мужественная школа военного корреспондента сказывалась: активное познание жизни современной, ее разноликих проявлений, острых конфликтов было для него необходимостью.

Побывал Симонов и на дальневосточной земле. «Признание в любви», «Первостроители» — эти очерковые заметки писателя помещены в книге «Остаюсь журналистом», они помещены апрелем-маем 1967 года. Комсомольск-на-Амуре, Хабаровск, Магадан, Солнечный, Уссурийск. Проведение — адреса его поездок.

В «Признании в любви» он писал: «Может быть, я когда-нибудь еще напишу книжку о Дальнем Востоке, а пока мне остается только признаться в любви с первого взгляда к этому краю, где с особенной остротой вспоминаешь о молодости. Не только потому, что именно в этом краю встречаешь особенно много молодых лиц, но и потому, что это такой край, где хочешь начинать жизнь, куда хочется приехать двадцатилетним».

Поразительно точные, емкие по смыслу слова!

Несколько дней он провел в Хабаровске. Вот попытка обозначить характер города: «О Хабаровске можно в этом смысле сказать, как о человеке: в нем есть военная косточка. И КВЖД, и Хасан, и Халхин-Гол — все это было, если исходить из дальневосточных представлений о расстоянии, рукой подать отсюда».

Да, все было так. И военную косточку в характере нашего города, как, впрочем, и других, надо было «выращивать» и закалять. Не потому ли так остро и точно ощутил все это Симонов, что свой личный боевой опыт военного он получил на том самом Халхин-Голе, а одна из первых его пьес — «Парень из нашего города» написана перед Великой Отечественной и была наполнена беспокойством о завтрашнем дне?

Предвоенной пьесе Симонова «Парень из нашего города» суждено было на несколько лет установить нить связи писателя с Хабаровском. Но об этом — потом. Сейчас раскроем февральскую книжку журнала «Новый мир» (№ 2, 1983). Здесь опубликованы воспоминания писателя Евгения Воробьева (книгу которого «Земля, до востребования» знают очень многие), близкого друга Симонова. Они называются «Самая трудная должность» и посвящены Константину Михайловичу.

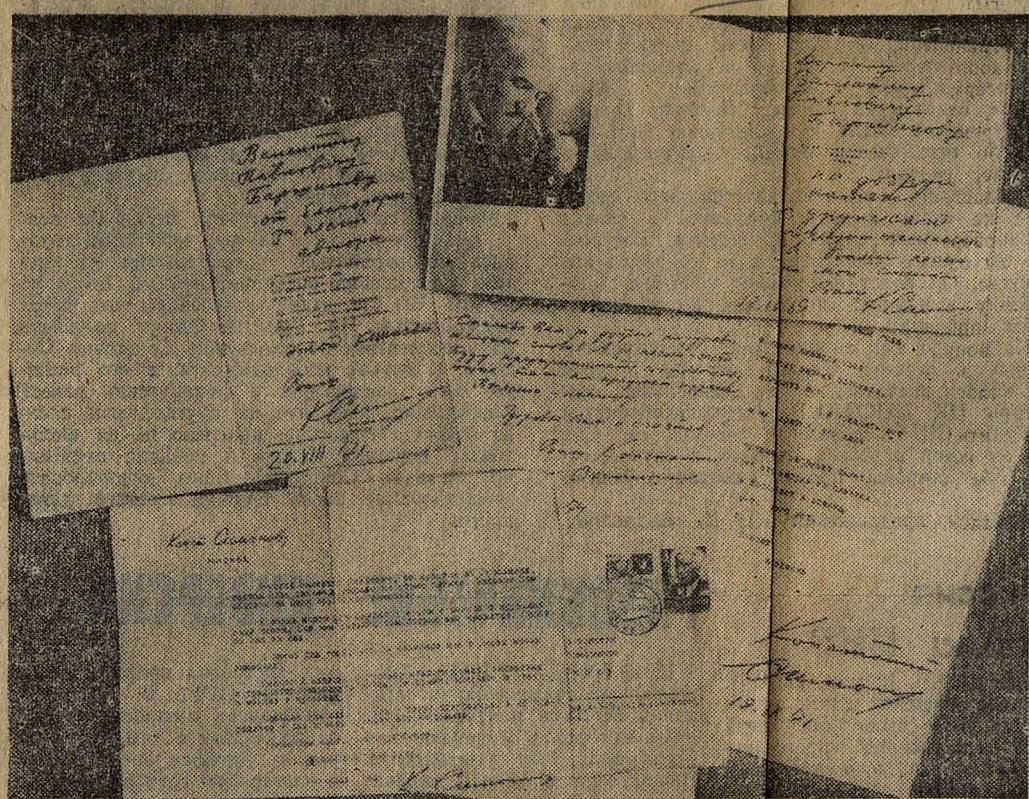
Завершая свои заметки, Воробьев рассказывает о совместной поездке с Симоновым из Красной Пахры в больницу. Они ехали в машине по Старо-Калужскому шоссе и в дороге «...чтобы унести его подальше от тревожных догадок, — пишет Воробьев, — затеял разговор о том, что хорошо бы выпустить грампластинку с песнями на его стихи».

Я гнул свое и вспомнил песни, которые могли бы составить диск поэта Константина Симонова: «Как служил солдат службу ратную», «Жди меня», «Песня фронтовых корреспондентов», «Чемодан» и «Давай споем, подруженька-гитара» Матвея Блантера; «Я помню в Вязме старый дом», «Седина» и песни Модеста Табачникова из спектакля Товстоногова «Четвертый», цикл или лучше сказать, венок песен, сочиненных талантливым ансамблем Хабаровского театра юного зрителя к спектаклю «Парень из нашего города».

— Вместо того, чтобы сочинять свои долгоиграющие прожекты, ты бы лучше пригубил несколько куплетов из моей «Фляги».

Отличную песню на эти стихи сочинили дальневосточники и прислали автору пленку. В Москве, кажется, только я помнил мелодию, а слова знал еще со времен войны. В последние годы я эту песню нередко напевал Симонову, нравилась обоним.

Эта поездка состоялась 23 июля, а 28 августа 1979 года Симонова не стало...

Прочитал эти строчки — и мелькнула догадка: слушал эти песни. И совсем недавно! Заслуженные артисты РСФСР Игорь Желтоухов и Юрий Тихонов, актеры театра музыкальной комедии, под гитару пели на одном из концертов «Как служил» и «Флягу» и другие песни на стихи Симонова.

Телефонный звонок Желтоухову. Спрашиваю, когда были созданы песни? Пересказываю подробно прочитанное в «Новом мире». Артист называет имя композитора, подсказывает, что у него должны сохраниться письма Симонова.

И вот встреча с Валентином Павловичем Баршиновым, главным музыкальным специалистом краевого театра драмы. Он выкладывает на стол большой желтый конверт — догадываюсь, в нем письма.

Из рассказа В. П. Баршинова — Припомнить надо год 1968-й. Тогда Валерий Александрович Шаврин, будучи главным режиссером Хабаровского ТЮЗа, где я работал, задумал ставить спектакль по пьесе Симонова «Парень из нашего города». Однажды заводит со мной разговор о музыкальном оформлении и спрашивает, не возьмусь ли я сочинить музыку на стихи Симонова? Он познакомил меня с отобранными стихами, их было семь — по числу картин в спектакле.

Какие это были стихи? «Новогодний тост», отрывок из «Хозяйки дома», «Северная песня», «Фляга», «Не сердитесь, к лучшему», «Всю жизнь любил он рисовать войны», «Фотография». Это должны быть песни-прологи к каждой картине.

К просьбе Шаврина я отнесся как к обычному режиссерскому заданию. Прошло немного времени — я довольно быстро работал — поэзия Симонова была мне очень близка.

И вот премьера. Человек в театре я вроде бы искушенный, но та премьера незабываемая!

Узнав каким-то образом о постановке «Парня...» в Хабаровске, Константин Михайлович Симонов прислал поздравительную телеграмму театру.

Так родился «веночек песен, сочиненных талантливым ансамблем из Хабаровска». Но как они стали известны Симонову? Директором ТЮЗа в то время был Дмитрий Исаевич Маликович, он-то и направил в адрес Симонова записанные на ленту песни из спектакля.

Как воспринял их писатель? «Дорогой товарищ Баршинов, простите, что обращаюсь к Вам без имени и отчества, но, к сожалению, знаю только Ваши инициалы».

Я получил пленку с Вашими песнями, и она доставила мне много хороших минут. Я человек в музыке малограмотный и, к сожалению, плохой ценитель ее, но для меня из Ваших песен дороже всего «Фляга». Мне уже много лет было жалко, что на эти стихи не написана музыка. Мне особенно понравился также «Новогодний тост». С удовольствием слушаю все другое, но пишу Вам о том, что мне самому показалось самым

интересным. Хотя, быть, может, я и не прав.

На радио предполагают вечер песен на мои слова. Я дал им Вашу пленку с тем, чтобы они выбрали.

Еще раз большое спасибо Вам, а также всем товарищам, которые поют эти песни. Уважающий Вас Константин Симонов.

29.1.69.

Потом эту пленку на радио то ли затеряют, то ли заиграют, и огорченный писатель обратится к композитору за помощью. А в апреле того же года он придет Баршинову небольшую книгу — «25 стихотворений и одна поэма» — с дарственной надписью: «Дорогому Валентину Павловичу на добрую память с дружеской признательностью за Ваши песни на мои стихи. Ваш К. Симонов. 12. IV.69».

— Вскоре, — вспоминает Валентин Павлович, — Симонов прислал мне роман «Последнее лето». За пять лет я получил от него десять или двенадцать писем.

Конечно, отзыв Симонова заставил меня взяться за сочинение новых песен на его стихи. Их сейчас уже двенадцать, хотя поются не все. Одна из последних песен «Если бог нас своим могуществом...».

Вот еще письмо Симонова (август 1971 года). И новый подарок — тоненькая, в обложке цвета красного знамени, книжечка «Вьетнам, зима семидесятого...». А в письме — просьба: «Дорогой Валентин Павлович! Я испытываю чувство большой неволе, вновь обращаюсь к Вам за помощью. Но дело в том, диск с пленкой песен — которые Вы так дружески-внимательно прислали мне — у меня подло сперли на радио. И я остался только с переписанной очень грязно технической кассетой «Филиппса».

А радио — не то, плохое, а другое — хорошее (речь идет о разных радиоредакциях.—А. Ч.) снова просит песни и хочет делать передачу, прослушав их с моей кассеткой хрипатою.

Помогите еще раз, а? И мне, и этому теперь уже, как они уверяют, хорошему радио. Крепко жму руку. Ваш К. Симонов.

Высылаю Вам свою последнюю книжечку, К. С.».

Просьбу писателя Баршинов выполнил. Симонов сообщает в Хабаровск: «Дорогой Валентин Павлович, вернувшись из Югославии, застал Ваше письмо и лежащее на столе пленки. Большое Вам спасибо за ваше дружеское внимание».

Я очень много раз слушал — и сам, и вместе с друзьями — Ваши песни. Они чем дальше, тем больше мне нравятся. Спасибо Вам за них.

Я очень рад тому, что Вы написали мне о Ваших новых замыслах.

Сейчас я написал несколько стихотворений, связанных с тридцатой годовщиной войны. Не прямо, конечно, а так — в мыслях и чувствах.

Псылаю Вам одно из них — вдруг пригодится. А не пригодится — так просто примите его на память...».

К письму приложено напечатанное на машинке стихотворение без названия. Вот оно:

Тот самый длинный день в году
С его безоблачной погодой
Нам выдал общую беду
На всех, на все четыре года
Она такой вдавила след
И столько наземь

положила,
Что двадцать лет
и тридцать лет
Живым не вернется,
А к мертвым — выправив билет

Все едет кто-нибудь из близких,
И время добавляет в списки
Еще кого-то, кого нет...
И ставит,
ставит
обелиски.

Константин Симонов.

19.IX.71.
Были еще письма. Баршинов, перечитав «Вьетнам, зима семидесятого...», остановился на «Дежурке». Эти стихи о вьетнамских летчиках, которые ждут боевых вылетов, заканчивались словами: «Сидят ребята, ждут ракеты, как мы когда-то, в России где-то...».

Он сочинил две новые песни и, записав на пленку, отправил Симонову.

29 мая 1972 года Константин Михайлович ответил письмом:

«Дорогой Валентин Павлович, получил Ваше письмо. Простите, что не сразу отвечаю. Был в отъезде. Я получил Ваши две вьетнамские песни и, по правде говоря, не написал Вам сразу про них, потому что заколебался — как написать?

Ваши песни к «Парню» и Ваша передача, которую я два раза слушал с пленки, как говорится, дошли до самой души и песенок. А вьетнамские песни, как мне показалось, — не получились. Вот мне и трудно было это написать.

А сейчас собрался с духом и пишу. Видно, в таких вещах нельзя кривить душой. Только не обижайтесь на меня, ладно?

Крепко жму Вашу руку.

Ваш Константин Симонов».

Почти полтора десятилетия живут песни на стихи Симонова, созданные в Хабаровске. Почему поэт ценил их и просил присылать?

Вот как объясняет это бесценный их исполнитель, заслуженный артист РСФСР Игорь Желтоухов:

— Мы поем с Юрием Тихоновым девять песен на стихи Симонова. Пять из них — композитора Баршинова. Валентин Павлович сумел проникнуть в самую суть его поэтического духа, он как бы раздвинул слово, наполнив его музыкой. Это очень точное попадание в цель, оно бывает, может быть, один раз в жизни.

Люди одного поколения, поэт и композитор в молодости прошли огненными дорогами войны, перенесли одни и те же испытания. Их творчество соприкоснулось не случайно, поэзию и музыку объединило духовное родство.

А. ЧЕРНЯВСКИЙ.